

IV.

Марія Гастингсъ.

Иванъ только что вступилъ въ шестой бракъ съ дочерью одного изъ своихъ думскихъ дворянъ, Маріей Нагой. Но это не шло въ счетъ. До такой степени это казалось не важнымъ, что отцу царицы, Аонасію Нагому, было поручено съ другими боярами разспросить Робертса о новой невѣстѣ. Еще до отъѣзда Писемскаго, въ іюлѣ 1581 г. въ Архангельскѣ высадился представитель англійскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Россіей. Онъ привезъ съ собою письмо Елисаветы, данное въ Вестминстерѣ 23 января 1581 г. Тамъ говорилось о датскомъ ко-

ролъ, ставившемъ препятствія для англійской торговли: владѣя Норвегіей и Исландіей, онъ предъявлялъ свои права на всѣ суда, плавающія между этими двумя землями. Итакъ, посолъ долженъ былъ отвѣсти Елисаветѣ отвѣтъ царя по этому спеціальному вопросу. Иванъ предлагалъ королевѣ конвоировать военными судами товары, направляемые въ русскіе порты подъ англійскимъ флагомъ. Но, прежде всего, Писемскій долженъ былъ добиться у Елисаветы позволенія повидать *Титурискую князю*. Писемскому надлежало разсмотрѣть ее хорошенько, замѣтить, какого она роста, красива ли, бѣла ли, дородна ли; узнать, какихъ она лѣтъ и какова ея семья; наконецъ, онъ долженъ былъ привезти ея портретъ—«парсонъ» и точную мѣрку «на бумагу». Если ему укажутъ на недавнюю женитьбу царя, пусть отвѣтитъ, что это не имѣетъ значенія, такъ какъ новая царица простого боярскаго роду. Это не помѣшаетъ Маріи стать царицею. Престолъ перейдетъ, однако, къ царевичу Θεодору, а дѣти отъ будущаго брака получать подобающіе надѣлы. Конечно, будущая царица должна принять греческую вѣру равно, какъ и тѣ изъ ея приближенныхъ, которые останутся при ней. Наконецъ, заключеніе союза по надлежащей формѣ должно было предшествовать помолвкѣ. Иванъ не просилъ одолженія: въ обмѣнъ за политическую услугу онъ предлагалъ самого себя. Для того, чтобы Марія Гастингсъ могла стать счастливою соперницей Маріи Нагой, Англія должна была помочь Ивану своей арміей и флотомъ въ борьбѣ противъ Баторія.

Для рѣшенія вопросовъ, касающихся торговли, къ Писемскому былъ присоединенъ одинъ изъ агентовъ Московской Компаніи, Эгидъ Крю. Въ качествѣ переводчика съ нимъ же ѣхалъ лекарь Робертсъ, которому было дано особое порученіе: онъ долженъ былъ сообщить Елисаветѣ о намѣреніи царя тайно посѣтить Англію. Какъ мы видимъ, Иванъ готовился къ серьезной атакѣ, долженствовавшей, на этотъ разъ, какъ онъ думалъ, увѣнчаться успѣхомъ его завѣтную мечту.

Писемскій, по прибытіи въ Англію въ сентябрѣ 1582 г., былъ допущенъ къ первой аудіенціи въ Виндзорѣ лишь 11-го ноября. Уже въ этотъ моментъ, казалось, часть его порученія потеряла свою силу: въ своей борьбѣ съ Баторіемъ Иванъ былъ побѣжденъ и принялъ условія предложеннаго побѣдителемъ мира. Московскій посолъ притворился, что не знаетъ объ этомъ событіи. Очень вѣроятно, что онъ уже былъ снабженъ новыми инструкціями, предписывающими ему, во что бы то ни было, настаивать на предполагаемомъ союзѣ, чтобы явилась

возможность начать новыя военныя дѣйствія противъ побѣдоносной Польши. Но онъ не хотѣлъ поступать открыто и былъ въ особенно смѣшномъ положеніи еще оттого, что и посолъ Баторія находился въ Лондонѣ, и не терялъ времени даромъ. Чтобы выяснитъ отношеніе къ Польшѣ со стороны англійскаго кабинета, мы не имѣемъ другого пути, какъ разсмотрѣніе тактики того же кабинета по отношенію къ московскому послу: англійскіе и польскіе архивы на этотъ счетъ молчатъ, а, можетъ быть, и еще не достаточно изслѣдованы. Казалось, что и на поприщѣ политическомъ Польшѣ суждено было преодолѣть Россію, такъ какъ къ пріѣзду Писемскаго Елисавета или уже приняла, или готова была принять нѣкоторое рѣшеніе. Какъ ни старался Писемскій ускорить начало переговоровъ,—они откладывались подъ разными предлогами съ недѣли на недѣлю. То мѣшали придворныя празднества, то чума. «Вѣдь не мѣшаетъ же вамъ чума вести переговоры съ поляками!» ворчалъ Писемскій. Онъ долженъ былъ дожидаться отъѣзда поляка, и тогда лишь, умудренный опытомъ, догадался, что его хотятъ вѣжливо спровадить. Торжественно введенный къ королевѣ графомъ Лейчестеръ, лордомъ Говардъ, сэромъ Кристофомъ Гэттонъ и самимъ графомъ Гонтингдонъ, онъ вручилъ Елисаветѣ подарки отъ лица царя, свои и отъ своего главнаго атташе. Самое имя его—Неудача—не предвѣщало ничего хорошаго. Дары эти заключались, по обыкновенію, въ дюжинахъ кунныхъ шкуроекъ. По донесенію посла, Елисавета была очень милостива; «стала веселою», спрашивала о царевомъ здоровьѣ, говорила, что любить его, какъ брата, рада будетъ его видѣть и заключить съ нимъ союзъ. Но, послѣ аудіенціи, о переговорахъ не было и рѣчи. Только въ концѣ мѣсяца Писемскій былъ званъ ѣхать на охоту, бить оленей! Онъ отвѣтилъ немногo рѣзко, говоря, что гулять ему ѣздить теперь не годится, да и нынче постъ, никто изъ русскихъ мяса не ѣстъ. Все-таки, хотя и съ неудовольствіемъ, онъ долженъ былъ принять приглашеніе, а 13 декабря узналъ, что графу Лейчестеръ, лорду Генсдонъ, сэру Кристофу Гэттонъ и секретарю Фрэнсису Уольсингѣму было поручено вести съ нимъ переговоры. Совѣщанія должны были происходить въ Гринвичѣ, и заинтересованные въ торговлѣ съ Россіей купцы имѣли на нихъ присутствовать.

Съ самаго начала возникли несогласія о собственномъ предметѣ переговоровъ. Предлагая Англіи пропускать всѣ русскіе вывозимые ею товары «безъ вывѣта», Писемскій просилъ у нея союза противъ

Польскаго короля, «которому помогают папа, цесарь и другіе государи». Ему отвѣтили: «Папа хвалится, что помирилъ царя съ Баторіемъ». Московскій посолъ упрямо не хотѣлъ выйти изъ своей роли и отвѣтилъ: «Воля палѣ, что хочетъ, то говоритъ заочно; а если бы онъ государя нашего съ королемъ помирилъ, то государь бы нашъ литовскаго короля себѣ недругомъ не называлъ». Очевидно, нечего было и думать договориться до чего-нибудь при такихъ условіяхъ. Въ данный моментъ Елисавету наиболѣе интересовало защитить отъ посягательства Даніи свою торговлю на Вѣломъ морѣ. Чтобы добиться отъ царя и его посла необходимаго содѣйствія, она согласилась въ январѣ 1583 г. дать Писемскому тайную аудіенцію. Онъ же, со своей стороны, рассчитывалъ поднять вопросъ о сватовствѣ. Но онъ былъ крайне удивленъ, когда, прибывши въ Ричмондъ въ назначенный часъ, засталъ во дворцѣ праздноство: тамъ гремѣла музыка, всѣ танцовали. Ему объяснили, что такъ бываетъ ежедневно; впрочемъ, королева покинула балъ, чтобы принять посла наединѣ, только въ присутствіи Роберта, необходимаго въ качествѣ переводчика. Неудачу позвали только часъ спустя, и Елисавета привела въ свое извиненіе «что очень увлеклась разговоромъ».

Легко можно догадаться, что разговоръ шелъ о Маріи Гастингсъ. Писемскій настаивалъ, чтобы ему позволили видѣть молодую дѣвушку и списать съ нея портретъ, но королева выказала большое смущеніе: она была бы очень счастлива быть съ царемъ въ свойствѣ, но она слышала, что царь любитъ красивыхъ дѣвицъ, ея же племянница не красива. Кромѣ того, она только что болѣла оспою, и теперь нечего и думать списывать съ нея портретъ. Но лукавая государыня сдѣлала все-таки видъ, что интересуется брачными условіями. Она казалась обеспокоенной участію будущихъ дочерей ея племянницы. «Наши государи, гордо отвѣтилъ Писемскій, выдаютъ своихъ дочерей за иноземныхъ влaстителей». И онъ привелъ примѣръ—единственный за нѣсколько вѣковъ—союза княжны Елены въ 1495 г. съ польскимъ королемъ Александромъ. Но раньше чѣмъ думать о свадьбѣ, надобно заключить союзъ. Посолъ представилъ по этому поводу записку и сталъ ждать отвѣта. Елисавета общалась ускорить дѣло, и этимъ все кончилось.

Прошло еще два мѣсяца. Когда, наконецъ, посолъ получилъ такъ долго ожидаемый отвѣтъ, онъ былъ глубоко разочарованъ. Королева соглашалась вступить въ союзъ съ царемъ и помогать ему противъ

всѣхъ его враговъ. Но за это она требовала для Англіи монополіи на всю вѣшнюю торговлю Россіи! Писемскій еще разъ доказалъ свою наивность, не догадавшись, что смѣются надъ нимъ и надъ его государемъ. Онъ сталъ спорить и торговаться изъ-за выраженій документа, какъ будто бы онъ не былъ неприемлемымъ по самому существу. Тамъ предложенія были названы *просьбами*, и царя величали *племянникомъ* королевы. Англійскіе дипломаты соглашались перемѣнить стиль документа, но не условія. Въ апрѣлѣ они пригласили посла на банкетъ, гдѣ присутствовало семнадцать сановниковъ: Эдуардъ Клинтонъ, графъ Линкольнскій, Джорджъ Тальботъ, гр. Шрьюсберійскій, Тома Рэдклифъ, графъ Суссекскій, Амбруазъ Дедлей, графъ Варвикскій, Фрэнсисъ Рессель, графъ Бедфордскій и пр. Королева пила за здоровье Ивана, и, когда пиръ кончился, навязчивому дипломату было сказано, что королева дастъ ему прощальную аудіенцію. Такъ какъ по его словамъ, у него не было инструкціи для принятія англійскихъ предложеній, не лучше ли ему вернуться на родину, чтобы облечься новыми полномочіями?

Несчастный воскликнулъ: «а дѣло о сватовствѣ?» Ему возразили, указавъ на вѣсти о томъ, что у Маріи Нагой отъ государя родился сынъ. И снова Писемскій отговорился незнаніемъ: «Пускай королева такимъ ссорнымъ рѣчамъ не вѣритъ; лихіе люди ссорять, не хотятъ видѣть добраго дѣла между ею и государемъ». Онъ такъ сердился и волновался, что, въ концѣ-концовъ, Елисавета рѣшилась на комедію—ибо нѣтъ сомнѣнія, что это была комедія—способная обмануть посла и поддержать Ивана въ его иллюзіяхъ. 17-го мая Писемскому было предложено отправиться въ сопровожденіи одного только Робертса, въ лѣтнюю резиденцію канцлера, лорда Бромлей. Этотъ послѣдній встрѣтилъ его торжественно и церемоніально у входа и повелъ въ садъ, гдѣ было приготовлено угощеніе. Вскорѣ группа женщинъ показалась въ одной изъ аллей. Впереди, между лэди Бромлей и лэди Гонтингдонъ шла та, которую уже называлъ «царской невѣстой». Издали обмѣнялись поклонами, и канцлеръ сказалъ Писемскому, что королева приказала показать ему свою племянницу «не въ комнатѣ, а на открытомъ мѣстѣ, чтобы онъ могъ ее хорошенько разглядѣть». Ему предложили пройти по парку, чтобы онъ нѣсколько разъ могъ встрѣтиться съ предметомъ своего любопытства. Наконецъ, Бромлей у него спросилъ: «хорошо ли вы ее разсмотрѣли?»—«Я дѣлалъ, что приказано», отвѣтилъ онъ и писалъ въ своемъ донесеніи:

«Княжна Гунтинскъ, Марія Гантисъ (sic) ростомъ высока, тонка, лицомъ бѣла; глаза у нея сѣрые, волосы русые, носъ прямой, пальцы на рукахъ тонкіе и долги».

Горсей по своему передаетъ эту сцену, которая и въ приведенномъ пересказѣ Писемскаго могла быть уже нѣсколько видоизмѣнена. Англійскій повѣствователь утверждаетъ, что при видѣ «невѣсты», посланникъ въ волненіи сталъ пятиться говоря, что смѣетъ лишь разъ кинуть взглядъ на *ангела*, которому суждено стать женою его государя. Но при этомъ Горсея не было, и надо сказать, что ангелу было ужъ подъ тридцать...

Елисаветѣ вздумалось довести комедію до конца. Она позвала Писемскаго и снова выразила ему свое сожалѣніе, что ея племянница недостаточно красива, чтобы понравиться царю. «Да и тебѣ, я думаю, она не понравилась?» сказала она. Но русскій посолъ отвѣтилъ:

«Мнѣ показалось, что племянница твоя красива; а вѣдь дѣло это становится судомъ Божиимъ».

И онъ началъ настаивать, чтобы королева открыла ему свои намѣренія на этотъ счетъ. Но уже Елисавета придумала новое средство, какъ оттянуть дѣло: она хотѣла отправить съ Писемскимъ въ Россію одно довѣренное лицо, которому, какъ послу, будутъ даны инструкціи и необходимыя полномочія. Скоро послѣдовала прощальная аудіенція: Писемскій снова выслушалъ не мало лестныхъ рѣчей и банальныхъ увѣреній въ дружбѣ. Королева заявляла, что пропустить черезъ свою территорію всѣхъ царскихъ пословъ, которыхъ ему будетъ угодно отправить къ иностраннымъ государямъ, но только не къ папѣ: «Только бы не выдалъ меня вашъ государь папѣ!» будто бы сказала Елисавета. Но, повидимому, и на этотъ разъ Робертъ оказался невѣрнымъ посредникомъ. Въ половинѣ іюня портретъ Маріи Гастингсъ былъ готовъ. Писемскій и Неудача, послѣ того, какъ они присутствовали на смотрѣ англійскаго флота—онъ состоялъ изъ 24 судовъ съ 70—80 пушками и съ 1000 матросами на каждомъ—отплыли въ Россію. Съ ними ѣхалъ Джеромъ Боусъ, посолъ, назначенный королевой. Хотя она и отправляла дипломата, подающаго надежды, ея выборъ оказался, однако, не особенно удачнымъ.
